

2. Бритаева В. В. Содержание телевизионного продукта. Социокультурный аспект. М., 2000. С. 55.

3. Соколова А. Н. Жанровая классификация адыгских народных песен // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. VII. Майкоп, 1989. С. 209.

4. Кумыков Т. Х. Хан-Гирей. Нальчик, 1968. С. 62.

5. Абдулаева М. Ш. Этнокультурная картина региона: между локально-религиозными универсалиями и масскультом (на примере Дагестана) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 127. С. 231–236.

References

1. Sijukhova A. M. Sociokulturnye aspekty muzykal'noj zhizni adygov [Socio-cultural aspects of Circassians musical life]: dis. ... cand. cul'turologiy. M., 2001. S. 5.

2. Britaeva V. V. Soderzhanie televizionnogo produkta. Sociokulturnyj aspekt [Content of television product. Socio-cultural aspect]. M., 2000. S. 55.

3. Sokolova A. N. Zhanrovaja klassifikacija adygskih narodnyh pesen [Genre classification adyghe folk songs] // Cul'tura i byt adygov. Etnograficheskie issledovaniya. Vyp. VII. Majkop, 1989. S. 209.

4. Kumykov T. H. Han-Girej [Han-Girej]. Nalchik, 1968. S. 62.

5. Abdulaeva M. Sh. Etnokul'turnaja kartina regiona: mezhdulokalno-religioznyimi universalijami i masskultom (na primere Dagestana) [Ethno-cultural Picture of the Region: Between Locally-religious Universals and Mass Culture (on the Example of Dagestan)] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. 2011. № 127. 231–236 pp.

УДК 316.344.42:008

П. Л. КАРАБУЩЕНКО

ЭЛИТА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

На примере Римской империи рассматривая роль элит в развитии и функционировании цивилизаций, автор приходит к выводу том, что она определяется как общими законами элитологии, так и фундаментальными законами этногенеза. При этом именно уровень развития элит и их творческая активность служат индикатором качественного состояния этногенеза и цивилизации, а также стабильности системы, именуемой культура и цивилизация.

Ключевые слова: элитология, история цивилизации, концепция Тойнби-Гумилёва, пассионарность, Римская империя, Византия.

UDK 316.344.42:008

P. L. KARABUSHCHENKO

ELITE AND THE CIVILIZATION

On example of Roman Empire considering elite role in the development and functioning of civilizations, the author concludes that, that it is defined as the general laws of elite studies and fundamental laws of ethnogenesis. At this level the development of elites and their creative activity serves as an indicator of the ethnogenesis and civilization quality, as well as the stability of the system, known as culture and civilization.

Key words: elite studies, history of civilization, Toynbee-Gumilyov conception, passionary, Roman Empire, Byzantium.

Есть элиты, которые создают цивилизации, есть элиты, которые лишь поддерживают их существование, а есть и такие, которые становятся их могильщиками. Первый вид элит можно условно назвать «элитами концентрации», второй – «элитами стабилизации» и третий – «элитами деградации». И у каждой из этих элит имеются свои нюансы, свои «плюсы» и «минусы», свои особые коды развития. На примере политической истории римско-византийской империи мы проследим то, как существовали, действовали и противодействовали друг другу элитные сообщества на всех вышеуказанных этапах своего исторического развития. Опираясь на данные известных историков (Э. Гиббон, Ф. Гизо, Т. Моммзен) и представителей философии истории (Н. Я. Данилевский, Л. Н. Гумилёв, А. Тойнби), мы попытаемся проследить

динамику развития элитного качества в истории, вывести некоторые её диалектические закономерности. Таким образом, *объектом* нашего исследования является цивилизация, а *предметом* – сообщество элит, отвечающих за её развитие. Для подобных исследовательских проектов удобнее всего прибегать к двум востребованным в настоящее время методам – диалектическому и компаративистскому, соединение которых позволяет наиболее полно охватить временной фактор и наиболее адекватно раскрыть ментальность каждого рассматриваемого нами временного отрезка.

Цивилизация – это высшая историческая форма бытия элит, и элиты создают цивилизации, чтобы увековечить себя. Сохраняя цивилизацию, они берегут свою историю как историю о себе и свой взгляд на Историю. Любую цивилизацию мы узнаем по её элитам, а каждую элиту характеризуем по созданным и внедрённым ею ценностям.

Традиционно с философской точки зрения цивилизация понимается как самодостаточная и саморазвивающаяся путём саморегуляции система, обладающая единством исторического процесса и устойчивой совокупностью своих материально-технических и духовных достижений. На этой исторической стадии развития складывается своя особая целостная социальность, локализованное во времени и пространстве общество. Согласно плюрално-циклическому подходу к истории, под общим понятием «цивилизации» подразумеваются «локальные цивилизации», представляющие собой целостную систему, являющуюся комплексом экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающуюся по законам витальных циклов [1].

Цивилизация обладает целым рядом признаков, отличающих её от иных форм историко-культурных концептов. Так, от варварства цивилизация отличается тем, что обладает горизонтальным (профессиональной и укладной специализацией) и вертикальным (социальной стратификацией) разделением труда с чётко иерархизированным правящим классом, контролирующим это разделение труда; развитой сетью обмена товаров и услуг; политической структурой (элитой власти), доминирующей в государственных структурах и контролирующей занимаемую территорию [2]. Однако эти признаки не означают отсутствие в цивилизации своего «внутреннего варварства», которое проявляется в культурно-бытовой повседневности и находит своё отражение в её политической идеологии. В последнем случае речь идёт о психологии национального превосходства в форме приписывания себе права превосходства и духовной избранности, присущей практически всем народам (от древних греков до таких же древних китайцев), обретшим своё национальное самосознание и утверждающимся на арене истории [3].

Наиболее точно отражает элитологический взгляд на историю цивилизации концепция Тойнби-Гумилёва: она соединяет концепт «ухода-и-возврата» творческого меньшинства и концепт пассионарности этноса и личности в истории, выводя особую формулу состояния элиты, элитности и элитизации в элитогенезе и элитоциде. При этом попутно отметим, что элитология исходит из того, что элита (как форма) характеризуется элитностью (как содержанием) и определяется элитизацией (процессом развития качества из количества). Но не всегда на страницах истории мы видим эту формулу в её идеально рабочем виде. Чаще всего обнаруживается диссонанс и системные сбои, чреватые катаклизмами.

В предложенной А. Тойнби классификации цивилизаций утверждается, что каждая цивилизация в своём развитии проходит четыре стадии: генезис, рост, надлом и распад [4]. Каждой из этих стадий соответствует свой культурно-исторический тип *творческого меньшинства* и свой исторический вызов. «Правящее или творческое меньшинство» участвует в росте и в распаде цивилизаций, и участвует в этих процессах весьма активно. Скорее всего, под этим «творческим меньшинством» следует понимать некий конгломерат элит (политическая элита + элита духа), который несёт прямую ответственность пред обществом и всей цивилизацией в целом за их конструктивное развитие. Это «меньшинство» описано у А. Тойнби в качестве носителя всеопределяющего качества своей эпохи. Это своего рода критерий, с помощью которого можно определять и даже делать некоторые прогнозы относительно уровня развития конкретной цивилизации [5].

Второй автор выбранной нами модели – Л. Н. Гумилёв – в истории человечества выделял два мощных инстинкта, оказывавших решающее воздействие на развитие его культуры и цивилизации: инстинкт самосохранения (присущий пассивному большинству) и пассионарности (им обладает агрессивное меньшинство). Пассионариев он характеризовал как особых особей, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения [6]. Саму же *пассионарность* (от франц. *passionner* – увлекаться, разжигать страсть) определял как энергетический избыток, порождающий активность ради достижения высоких целей; непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на изменение качества жизни. Цена жизни таких особей – в совершённом ими подвиге (или преступлении). Причём этика не является для них сдерживающей силой, что означает (по выражению Аристотеля) выход такой личности за пределы человеческой нормы – или в мир животного, или в мир сверхчеловека.

Л. Н. Гумилёв подчеркивал, что пассионарность никак не коррелирует со способностями личности, и называл пассионариев – «люди длинной воли». Пассионарность – это норма реакции человека на конкретные события. На практике может быть умный обыватель и довольно глупый учёный, волевой субпассионарий и безвольный «жертвенник», равно как и наоборот. Но с точки зрения персонализма соединение качества элитной личности и пассионарности как раз и даёт эффект лидера (вождя нации, гения в науке и культуре).

В даваемой классификации пассионарности Л. Н. Гумилёв выделил три её уровня:

– *пассионарность выше нормы* («пассионарность» в узком смысле) проявляется в поведении как предприимчивость, готовность нести жертвы ради идеала, желание и способность изменять мир, в частности, свой ландшафт. высокая пассионарность есть рецессивный признак;

– *пассионарность на уровне нормы* (*гармоничность*) означает, что её носитель будет пребывать в равновесии с окружающей средой;

– *пассионарность ниже нормы* (*субпассионарность*) означает склонность к лени, пассивности, паразитизму и предательству.

Л. Н. Гумилёв также отмечал, что возрастное состояние этноса довольно отчетливо проявляется в физиогномике. Скульптурные изображения римлян точно передают три фазы этногенеза: для первой (эпохи становления) характерно волевое выражение лица с явным чувством долга и чести; для второй (эпохи исторического существования) – эмоциональность, неустойчивость, не заслуживающие доверия, и для третьей (эпохи исторического упадка) – тупость, жестокость и упрямство. Примерно такой же результат даёт и византийская историческая физиогномистика: волевая индивидуальность, энергичность, огромный и живой интеллект; унылость, деспотичность, целеустремлённость и способность на любые поступки, вплоть до аморализма; добрый, спокойный, весьма пристойный, но вполне безвольный человек, до того скованный узами обычаев, что трудно представить его сражающимся с врагом [7]. Описание типажа в первую очередь характеризует именно представителей элитных слоев, что непосредственно связывает этногенез с элитогенезом.

Для нас этногенез является важным показателем развития качества цивилизации. В основе каждой исторической цивилизации мы видим судьбу конкретного народа, историю конкретной элиты. Этногенез – это становое условие существования цивилизации, особенно когда он касается доминирующего народа. И цивилизация перестает существовать, когда уходит народ, её создавший. У пассионариев-радикалов имеется своя особая программа жизни – для них слава, жажда величия важнее сохранения жизни, её безопасности. Понять таких субъектов обыватель просто не в состоянии, а потому воспринимает их как нечто исключительное. Этногенез сопровождается еще одним важным процессом – процессом элитогенеза. Более того, общие принципы этногенеза совпадают с общими принципами элитогенеза, что указывает на их включённость в единую систему. Два Рима – латинский и греческий – демонстрируют нам примерную схожесть элитогенеза и элитоцида. Две истории – два подтверждения того правила, что элитогенез и этногенез теснейшим образом связаны между собой и определяют развитие друг друга. Этнос постоянно выделяет из глубин своих масс элиту – самые лучшие и достойные элементы, которые и составляют то самое твор-

ческое меньшинство, которое становится ответственным за формирование адекватного ответа на вызов своей исторической эпохи. Это ключевые игроки истории, «замковые камни» цивилизации, культурный фундамент. Так что же собой представляет элита в нашем понимании?

Элита – это пассионарный конденсат, самоструктурировавшийся в форме власти; элита (как социокультурная вершина цивилизации) всегда представляет собой некое сообщество профессиональных элит, постоянно пробуемых на прочность существующие между ними скрепы. При этом выделяется роль двух ведущих элит: политической (находящейся в альянсе с олигархической элитой) и духовной (состоящей в тесном контакте с религиозной). От развития этих двух элитных начал, от того, как они смогут наладить диалог, зависит и общий ход элитогенеза и руководимого ими этноса и государства. Элита есть концентрация иерархии и доминации с целью осуществления власти. Если в первый период существования цивилизации её ведущая политическая элита усиленно концентрируется, во второй период она уже ищет новые способы своего совершенствования, то в последний период происходит рассеивание накопленного качества, которое вновь переходит в количественные показатели. Элита есть сконцентрировавшаяся на иерархической вершине власти (политической или духовной) группа лиц, за которой следует все общество как за общепринятым эталоном своего поведения. Рассмотрим теперь каждый из трёх типов элит более подробно.

«Элиты концентрации». Согласно А. Тойнби, причина генезиса цивилизаций кроется не в каком-либо единичном факторе, а в комбинации сразу нескольких причин; это отношения, в которых задействованы сверхчеловеческие личности. Конечным результатом своего исследования А. Тойнби признавал разоблачение гипотезы о природном законе, согласно которому происхождение цивилизации предстает как специфическая функция отдельных расовых ветвей человеческого рода (С. 99; 107). Он старался не только переформулировать саму проблему генезиса цивилизаций, но и дать ей новое объяснение.

А. Тойнби, в частности, считал, что выведенная им формула генезиса цивилизаций «Вызов-и-Ответ» наиболее пригодна для объяснения многих происходящих процессов. В том числе она применима и при исследовании развития элиты, того самого «творческого меньшинства», которое и принимает вызов своей эпохи. Именно это «творческое меньшинство» и несет всю полноту ответственности за судьбу своей эпохи. Психология самих народов и масс устроена так, что эти вопросы абсолютно ее не волнуют, никак не касаются и совершенно не являются предметом ее рассмотрения. Элита единственное звено цивилизации способное обозреть всю эту цепь и понять необходимость всех ее креплений. «Сам факт, что рост цивилизаций – дело рук творческих личностей или творческих меньшинств, предполагает, что нетворческое большинство будет находиться позади, пока первооткрыватели не подтянут арьергарды до своего собственного уровня» (С. 259).

Л. Н. Гумилёв называл элиты эпохи генезиса цивилизаций пассионарными – людьми повышенной социально-политической активности и даже агрессивности [8]. Элиты, формируемые из пассионариев, будут отличаться повышенным уровнем активности и даже жестокости в утверждении своей правды жизни. От их кровавой деятельности больше пострадавших, чем спасенных; больше разоренных хозяйств, чем созданных новых ценностей. Эпоха первичного накопления элитности в элите является самой жесткой (даже жестокой) в элитогенезе. При этом эти новые пассионарии смело утверждали свою правду жизни, даже если она являлась ошибочной или ложной. Самое главное для них – утвердить свой стандарт, навязав его всем остальным.

Процесс созидания (собрания и систематизации сил) является важнейшим этапом генезиса цивилизации. Он закладывает основы тех стандартов, по которым в дальнейшем эта цивилизация будет существовать и развиваться. Весьма точный диагноз этому процессу и сопутствующей ему элиты дал М. Т. Цицерон: римское государство возникло благодаря активной деятельности римской элиты. Её деятельность (волю к могуществу) он оценивал позитивно, поскольку деятельность народа не всегда в этом плане была позитивной. Цицерон всемерно восхвалял политическую и правовую активность римских граждан, подчёркивая, что «сама природа» влечет лучших людей к тому, чтобы «сделать жизнь людей более безопас-

ной и более богатой» (*О государстве*, I, II, 3). Для римского аристократа, согласно Цицерону, было важно, чтобы добытая его тяжелым трудом слава не угасла вместе с его жизнью, а была передана и сохранена памятью его потомков. Легче прожить жизнь праздно. Но у великих людей их души почему-то всегда бывают в напряжении и направляют свой взор в будущее, «словно намереваясь жить тогда, когда уже уйдет из жизни. А между тем – продолжает Цицерон, – *если бы души не были бессмертны, то едва ли души всех лучших людей стремились бы так сильно к бессмертной славе*» (*О старости*, XXIII, 82). «Лучших людей» Цицерона выделяет степень элитизации их духа.

Цицерон фактически выстраивает целую систему доказательств, оправдывающую агрессивную внешнюю политику римского государства. Его с полным основанием можно считать апологетом римского имперства. При этом особо следует подчеркнуть то, что им разрабатываются стандарты двойной морали. Военную экспансию Рима против его соседей Цицерон оправдывал тем, что сами государства ставшие жертвами римской экспансии покушались на честь и достоинства римских граждан. Поэтому их поражение, ограбление и порабощение были справедливой расплатой за тот их злой умысел против Рима, ставшего благодаря этим победам «Великим» [9]. Гай Саллюстий добавляет, что в эти века лица, наделенные верховной властью, предпочитали управлять не подлыми и ничтожными людьми, а «*властвовать над самыми лучшими людьми, ибо самые дурные – те, которые терпят правителя с величайшим неудовольствием*» (*Саллюстий. Письма к Г. Ю. Цезарю о государственных делах*, I, 1,4-6) [10].

Византия этого же периода мало чем отличается от латинского аналога. Второй Рим существовал по тем же самым законам, только в основе его был этногенез эллинской крови. В отличие от латинского, греческий Рим возводился на руинах эллинизма, т. е. имел более глубокие культурные основания. Культурная элита Византии впитала в себя все культурные соки Востока и Запада и в средние века стала недостижимым для западноевропейских варваров идеалом.

В это время селекция элиты носит объективный характер, и чаще всего выражается в форме естественного отбора. У элит этого периода элитность активно творит содержательное качество из разнообразного по форме количества. В поведении субъектов элит их возможное согласуется с их действительным потенциалом. Законы формальной элитизации только что складываются и начинают действовать по новым стандартам. Но их сила носит всё ещё стихийный характер. Единство достигается в ходе борьбы противоположностей, а личное часто приносится в жертву общественному. Ценности кристаллизуются и выходят из горнила генезиса в качестве новых руководящих идей. Свобода стремится к юридической формализации, но ещё не ведаёт своей меры (предела ограничения). В это время все грезят меритократией, но она никому в руки не дается.

«Элиты стабилизации». Как известно, абсолютная власть развращает абсолютно. Политика Первого Рима эпохи расцвета – время нескончаемого разврата власти и массовых развлечений: хлеба и зрелищ требовал римский плебс, роскоши и разврата требовал римский патрициат. Роскошь власти, её абсолютная величина были доведены до полного абсурда, а потому стали равнозначны обезьяньему кривлянию (Калигула, Нерон), а разврат в личной жизни (Юстиниан) стал торжеством имперского цинизма [11].

Политическая элита этого времени чаще всего бывает склонной к праздному образу жизни, а в её отношениях с другими профессиональными элитами преобладала парадность и карнавальность. Историки этого времени (Тацит, Светоний, Плутарх) фиксируют именно такое поведение политических лидеров и их элит в Первом Риме. Устанавливаются некие правила игры, в которой участвуют лишь те, кто их знает и умеет в нужное время «законно» обходить. Если в первый период хаос ещё мог пробить брешь в стене порядка, то в это время порядок признается неременным атрибутом политической целостности. Право на его нарушение монополизируют элиты и допускают его только в своей среде в качестве саморегулирующего начала [12].

В это время продолжались попытки самоидентификации как социального, так и культурного бытия. Находившийся рядом с Нероном Сенека критически замечал: «Развитие чело-

вечества не находится ещё в столь блестящем состоянии, чтобы истина была доступна большинству. Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности. Предметом нашего исследования должен быть вопрос о том, какой образ действий наиболее достоин человека, а не о том, какой чаще всего встречается; о том, что делает нас способными к обладанию вечным счастьем, а не о том, что одобряется чернью, этой наихудшей истолковательницей истины. К черни же я отношу не только простонародье, но и венценосцев. Я не смотрю на цвет одежд, в которые облакаются люди. При оценке человека я не верю глазам: у меня есть лучшее, более верное мерило для того, чтобы отличить истину от лжи. О духовном достоинстве должен судить дух» [13].

В своих трудах по политической истории Тацит особое внимание уделяет динамике политического процесса, борьбы за власть. Он старается последовательно описывать, как правители приходят к власти (*История, I, 13; 21–45*), как они пребывают на вершине могущества (*Анналы, XVI, 33*) и как рушатся вниз, с вершин своего бывшего величия (*История, III, 68*). Высшая иерархия власти в Риме – это калейдоскоп отношений (конфликтов и альянсов) высших должностных лиц империи, составляющих её цвет военно-административной иерархии: «принципы», «консулы», «сенаторы», «легаты» и т. д. Это – «лучшие люди» или «видные люди» государства (*История, I, 45, 57*). Лидеров же противников и врагов Рима он обычно именуется «главарями», «вождями», «злодеями» и «бунтовщиками», а массы простого народа – «людским скопищем» (*Анналы, II, 12*).

В отличие от Тацита, мы не можем о Светонии сказать, что он объективен и достоверен. У него мы обнаруживаем неудержимую тягу к скандальным историям высших эшелонов власти и, как сегодня говорят, сочинительству «жареных фактов». Его в первую очередь интересуют пороки, а не достоинства правителей (политических лидеров) и там, где их ему не хватало как историку, он, видимо, занимался их сочинительством. У Светония социальная знатность и политическая элитность неразделимы. У него все лидеры стали лидерами благодаря знатности своего происхождения, т. е. тому самому длинному списку великих предков, которым каждый из них к тому времени благополучно обзавелся [14].

Светоний собирает массу интереснейших подробностей из жизни политической знати Рима эпохи расцвета абсолютизма, подробно описывает не только сами события, но и мотивы, их породившие. Историк отмечает, что «профессия» быть элитой была одной из самых опасных в Древнем Риме. Но ещё более опасной была другая «профессия» – императора. Многие в окружении верховных правителей ещё при их жизни оплакивали их как покойников» (*Светоний. Вителлий, 2, 2*). Сами императоры, по свидетельству историка, усвоили одно простое правило: соперниками их могут быть только те выдающиеся личности, которые представляют угрозу для их власти. Так, император Нерон, узнав о начале рокового для него мятежа, решил перебить всех начальников провинций и войска, дабы никто из его политической элиты не осмеливался поднять на него руку (*Светоний. Нерон, 43, 1*). Не помогло. Подняли не только руку, но и целые легионы.

Полный расцвет системы приходится на то время, когда абсолютизм политической власти полностью соединяется с величием личного достоинства и возникает (пусть и на весьма короткий период времени) меритократия. В латинском Риме это связано с именем императора Марка Аврелия, а в греческом Риме – с династией Комнин. Меритократия в эту эпоху – уникальное исключение из жесткого авторитарно-олигархического правила. Меритократические элементы могли воздействовать на власть (как в случае Сенеки и раннего Нерона), но в целом они носили бессистемный характер и были счастливой случайностью. После кратковременной меритократии (требующей максимальной концентрации всех сил) следовало резкое обрушение качества и тяжелый системный кризис: усиливается нестабильность, бюрократическая коррупция и окостенение процесса селекции элит [15]. Из этого следует, что историческая меритократия, точно так же как и охлократия, имеет одну базовую особенность – кратковременный характер своего существования и отсутствие законного преемника.

Элиты эпохи стабилизации могут себе позволить пренебрежение к качеству своей элитности – она обладает элитным качеством с таким запасом (избытком), что может себе позволить бессмысленное расточительство. Элитизация формализуется и превращается в

некое правило отбора, когда власть получает сильнейший по праву закона, а не в силу исключительно личных качества. Элитность возникает в результате отбора только официально узаконенных количественных показателей. В поведении субъектов элит возможное становится реальностью даже и вопреки их действительности. Если в первый период элитное чаще всего являлось в виде случайного, то во второй оно уже существует в требовании необходимого. Возникает некое относительное равновесие между единством и противоположностями, а аксиология достигает зенита своего состояния. При этом частное начинает доминировать над общественным. Право гарантирует свободу равных (граждан), но политически не обеспечивает её, от чего власть становится безмерной.

«Элиты деградации». Деградация элиты – весьма длительный процесс, связанный с увеличением дефицита элитности и ограничением качества процесса элитизации. Но этот процесс неизбежно приводит её к элитоциду. Роскошь продолжает окружать такую элиту, но уже не столь блистательно, как в эпоху расцвета. У элиты заката цивилизации всё больше средств уходит на поддержание своей безопасности, а досуг сворачивается к минимуму. При этом их личная безопасность и безопасность государственная расходятся, становятся чуждыми в отношении друг друга. В эпоху деградации элиты в её составе оказываются не тот, кто является самыми лучшими, а тот, кто ближе оказывается к власти в силу своего кровного родства с ней. Политиков таких элит отличает целый набор отрицательных качеств: имитация ушедшего блеска, спекуляция прежними заслугами, желание возродить былое величие и одновременно страшная апатия, иллюзорное восприятие реальности, пребывание в сладостном заблуждении, что им всё ещё все должны.

Духовные элиты этого периода пытаются почивать на лаврах классицизма, а потому неизбежно впадают в схоластику и догматизм. Они входят в идейный спор с другими контрэлитами духа, оспаривающими у них право на духовное господство. В позднем Риме это спор языческого академизма с молодой христианской патристикой и апологетикой за право считаться ведущей духовной силой. Платон сравнивал гибель цивилизации со стихийным бедствием, когда в результате катаклизма в живых остаются только «козопасы», а всё грамотное и образованное население погибает в городах (*Тимей*, 22b-23b). Гибель творческого меньшинства оказывается фатальной для этноса, и требуется время, чтобы восстановить утраченный культурно-исторический уровень.

Во время деградации цивилизации элита исчезает, остаётся лишь форма без содержания, видимость, пустой звук, но не элита. Явный дефицит элитности мешает ей быть полноценной и законной элитой. Начинается время элитного беззакония; время элитного безобразия, когда её субъекты оказываются без образа, т. е. элиты становятся неузнаваемыми, безликими. Для такой квазиэлиты политика становится демагогией, претендующей на право сильного творить беззаконное. Но когда иссякают и грубые физические силы, политические элиты продолжают агонизировать, пытаясь ради своего спасения столкнуть своих многочисленных врагов.

С критикой именно этого типа элит выступил на закате западно-римской империи Блаженный Августин, который, в отличие от Цицерона, назвал Рим «разбойничьим кораблем». Августин писал, что «римляне совершили много великого сперва из любви к свободе, а потом из любви к господству и из страстного желания доброго о себе мнения и славы» (*О граде Божьем*, V, 12) [16]. Он утверждал, что «великие дела совершались некими немногими, которые были по своему люди добрые» (*Там же*). Августин настойчиво повторял: Рим как символ града земного должен пасть. Он слишком отягощён грехами, чтобы суметь выжить в вертепе великого переселения народов.

В эпоху кризиса творческое меньшинство уходит и не возвращается; тогда же иссякает сила пассионарного горения. Но на освободившееся место приходят другие – новые пассионарии, такие активные личности, как король вандалов Гейзерих Великий (428–477). Но сама латинская элита остаётся быть таковой лишь по форме, но перестаёт ею являться по содержанию, поскольку полностью расстраивается естество процесса элитизации. Главная стратегическая цель – выжить; основная тактическая задача – обеспечить себе частную безопасность и относительное благополучие.

Второй Рим этого времени (XIV–XV в.) – это медленная агония государства и этноса, т. е. фаза исторического упадка и деградации; время глубокого раскола, когда элита пошла на союз с католическим Западом, полностью предав интересы безмолвствующего большинства. Коррупция разъедала Византию изнутри, ослабляя её сильнее, чем многочисленные турецкие набеги. Мир политических элит замкнулся на стяжательстве и праздной лени. И никакие пассионарные интеллектуалы (такие, например, как Григорий Плифон) не смогли оживить это деградировавшее до полного ничтожества элитарное сообщество.

Гибель цивилизации сродни гибели богов. Цивилизации гибнут или как Атлантида, или как Византия. В первом случае стирается всё, что было (исторический пример – средневековая Хазария). Во втором случае наследники предъявляют права на свое родство, даже если его и не было. Все цивилизации гибнут в неурочный час. И самое главное, что разрушается, – это память поколений. Элиты забывают свою родословную, погружаются в беспамятство и уже не помнят, кем и чем они были в «прежней жизни» (*Тимей, 21a;23b*).

Отсутствие прямых наследников погружают культурные ценности цивилизаций в забвение. И тогда создание новых цивилизаций происходит за счет отрицания старых. Так, латинский Рим практически полностью стёр с лица истории богатейшую цивилизацию этрусков, а современные исламские фундаменталисты из ИГИЛ (Исламское государство) пытаются уничтожить культурное наследие предшествующих цивилизаций, разрушая музеи и руины древнейших городов Ближнего Востока. Вандализм молодых варваров над ценностями старых цивилизаций, переживающих неконтролируемый пассионарный подъем – стандартное явление этно-элитогенеза,

Как показывает анализ политической истории Византии, в период заката селекция элит физически может и вовсе останавливаться, биологически воспроизводя себя исключительно внутри своих семей. Противоположности раскалывают государственное единство, принося в жертву мораль, религию и культуру. Когда эти ценности становятся вторичны, закат цивилизации касается своего горизонта существования. Личное начинает всё чаще приносить в жертву общественное, стремясь за общественный счёт укрепить свои позиции. Свобода полностью утрачивает юридическое содержание и всё чаще оборачивается хаосом и анархией, а необходимое всё чаще становится случайным. В поведении субъектов элит их возможное крайне редко согласуется с их действительным, а пассионарное качество не может пробиться через частокोल неконтролируемого количества. В результате имперская мера (стандарт) становится крайне ограниченной и иллюзорной и вытесняется на периферию другими мерами. О меритократии вообще никто более не вспоминает, и она как идея надолго уходит из бытия и рассматривается преимущественно как утопия. В результате стремительный обвал системы, крах, прах, позор (политическое поругание победителя побеждённого) и историческое забвение.

На примере двух римских империй видно как меняется роль элит на разных этапах развития этой цивилизации. Причём не на всех её этапах роль политической элиты была неоспоримо безусловной. Частые гражданские войны и мятежи знати указывают на неспособность правящего класса выработать единые принципы механизма селекции элиты власти и придерживаться их в своей повседневности. Первый Рим не устоял, потому что разделился в себе и запутался в собственной лжи. Недаром Второй Рим (Византия) славился своим беспредельным лицемерием и коварством. Ложь – главное орудие политики и главная добродетель дипломатии. Но многоголосая ложь Византии не спасла её от геополитической катастрофы. Византийским чиновникам и дипломатам верить было абсолютно нельзя: не верьте тому дипломату, который говорит правду – обманет. Крушение латинского Рима повлекло Запад к мраку средневековья, в сердце которого билась схоластика Аристотеля; крушение греческого Рима породило в Европе дух Возрождения, в центре которого ожили идеи Платона. Оба Рима достигли максимума своего исторического развития и послужили питательной средой для будущих геополитических и культурных лидеров.

На примере Рима и Византии мы видим, что разрушение цивилизации начинается с умаления достоинства языка и кризиса творчества культурной среды. Разложение и варваризация армии лишь довершает крах империй-цивилизаций. Внутренний общественный раз-

лад и разобщение элиты стали тем самым ядом, которым были отравлены обе империи. Что латинская, что греческая империи не смогли найти своевременного противоядия и ушли в небытие веков, как самая яркая, но, несмотря на это неудачная цивилизация. Имея эти два примера и зная, чем, в конечном счёте, закончили их элиты и этнос, Третьему Риму стоит крепко призадуматься и не допустить повторения этих роковых ошибок. Два Рима пали и Третий Рим тоже непременно падёт, если пойдет по их пути саморазрушения...

Литература

1. Семёнов Ю. И. *Философия истории (Общая теория: основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. М., 2003. С. 152.
2. Ерасов Б. С. *Цивилизации: универсалии и самобытность*. М., 2002.
3. Тойнби А. Д. *Цивилизация перед судом истории*. СПб., 1995. С. 108, 110.
4. Тойнби А. Д. *Постижение истории*. М., 1991. Здесь и далее произведение цитируется по этому источнику, в скобках указываются страницы.
5. *Элитология: Энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко*. М., 2013. С. 466–467.
6. Гумилёв Л. Н. *Этносфера: История людей и история природы*. М., 1993. С. 365; 498.
7. Гумилёв Л. Н. *Этногенез и биосфера земли*. Л., 1990.
8. Гумилёв Л. Н. *Этносфера: История людей и история природы ...* С. 115.
9. Цицерон М. Т. *Избранные сочинения*. М., 1975.
10. *Записки Юлия Цезаря. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения*. М., 2001.
11. Успенский Ф. И. *История Византийской империи*. М., 2011–2012.
12. Гиббон Э. *История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: в 7 т.* М., 2008.
13. Моммзен Т. *История Рима*. М., 2011.
14. *Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий*. М., 1995.
15. Светоний Г. Т. *Жизнь двенадцати цезарей*. М., 1988.
16. Августин Аврелий. *О граде Божием: в 4 т. Т. 1.* М., 1994.

References

1. *Semyonov Yu. I. Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya: osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashih dnei)* [Philosophy of history (general theory: key issues, ideas and concepts from ancient times to our days)]. M., 2003. S. 152.
2. *Erasov B. S. Tsivilizatsii: universalii i samobytnost'* [Civilization: universals and identity]. M., 2002.
3. *Toynbi A. D. Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization before the judgement of history]. SPb., 1995. S. 108, 110.
4. *Toynbi A. D. Postizhenie istorii* [A study of history]. M., 1991. Here and further work is cited by this source, in parenthesis the page.
5. *Elitologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Elite studies: an encyclopedic dictionary] / pod red. prof. P. L. Karabushchenko. M., 2013. S. 466–467.
6. *Gumilyov L. N. Etnosfera: Istoriya lyudey i istoriya prirody* [The ethnic situation: The history of the people and history of nature]. M., 1993. S. 365; 498, s.115
7. *Gumilyov L. N. Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. L., 1990.
8. *Gumilyov L. N. Etnosfera: Istoriya lyudey i istoriya prirody ...* S. 115.
9. *Tsitseron M. T. Izbrannye sochineniya* [Selected works]. M., 1975.
10. *Zapiski Yuliy Tsezarya. Gay Sallyustiy Krisp. Sochineniya* [Notes By Julius Caesar. Gaius Sallustius Crispus. Compositions]. M., 2001.
11. *Uspenskiy F. I. Istoriya Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. M., 2011–2012.
12. *Gibbon E. Istoriya upadka i razrusheniya Velikoy Rimskoy imperii: Zakat i padenie Rimskoy imperii* [The history of the decline and destruction of the great Roman Empire: decline and fall of the Roman Empire]: v 7 t. M., 2008.
13. *Mommzen T. Istoriya Rima* [History Of Rome]. M., 2011.
14. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy* [The Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. M., 1995.
15. *Svetoniy G. T. Zhizn' dvenadtsati tsezarey* [Lives of the Twelve Caesars]. M., 1988.
16. *Avgustin Avreliy. O grade Bozhiem* [The city of God]: v 4 t. T. 1. M., 1994.